

ДОПОЛНЕНИЯ К ЗАПРЕТИТЕЛЬНОМУ МНЕНИЮ

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРВОЕ: КОМУ СЛУЖИЛ ТАЛАНТ?

— Коллаборационизм с дьяволом... — так высказался — наиротнее — о писателе Прозин («Лит. газета», 1990, № 38). И отказать в праве на апелляцию. «Рассуждая о таланте, поставленном на службу большевизму, не ссылаясь на Шолохова, не утратив при этом ни слова из его писем».

Репутация

1929-й... За год до того, как 25-летнего вешенца осенила мысль браться за роман о коллективизации, — что же за печаль! И всеветная слава уже по первым книгам «Тихого Дона». И такие политические приемы...

Сталин. Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений. Ягода. Ты все же контри. Твой «Тихий Дон» ближе белым, чем нам.

Фадеев. Возьмите Лебединского и Шолохова. Можно их объединять? Вы чувствуете у Лебединского, даже когда он ошибается, что это ошибки коммунистов... У Шолохова вы видите, что это элемент дельцовщины, крестьянской или казачьей, что идеология его другая, не наша.

Критик (один из многих). Явно беспартийный «Тихий Дон» Шолохова, идеализирующий кулачество.

...Сталин знакомится с письмом Шолохова. В нем крайне маловерное советской печати: «Когда читаешь в газете короткие и розовые сообщения...» Затем упрек в скрытии беды: «Сердечная упрямость бедноты голодает...» И даже такое — обвинение власти: «Нельзя густо рожать всех, вплоть до Калинин; всех, кто лицемерно по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит этого середняка».

Шолохов читает как бы в ответ себе статью Сталина «Год великого перелома» — в ней: «Небывалый успех в деле сельскохозяйственного строительства...»

Инакомыслие

1930-й... Шолохов начинает новый роман. Каковы взгляды на коллективизацию у вождя и писателя?

Сталин (о колхозах на Дону — а речи). Крестьяне получили возможность обрабатывать трудно обрабатываемые в условиях индивидуального труда заброшенные земли и трудиться...

Шолохов (в письме). Езжу по району и округам, наблюдаю и пишу «Скромная история»... Над зареет наступление по-вашему, на будущий год по-вашей клин катастрофически уменьшится... Конфискованный скот гибнет на станичных базах... После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это продвигалось в отношении середняка.

Сталин (в докладе). Теперь даже слепые видят, что сделан огромный, коренной поворот крестьянства от старого к новому, от кулачества к бедноте и середняку, к союзу с середняком. В этом основа наших достижений.

Шолохов (в письме). История с коллективизацией и перегибами в какой-то мере аналогичны перегибам 1919 г. «Правда»: «У нас несомненно найдутся товарищи, которые будут толковать нынешний поворот в политике партии как возвращение к методам раскулачивания 1918—1920 гг. «Нет ничего ошибочнее и вреднее такого толкования».

«Уйдите, ради бога...»

1931-й... Роман во всю пишется. Раскол в оценках коллективизации меж тем усиливается.

В. В. Вересаев внес в свой дневник запись о том, как Шолохов высказывал Сталину — при личной встрече — правду об ужасах коллективизации: вождь слушал молча, а потом неожиданно, не молча и слово, встал и вышел. Каково в этой мимолетной поинкнутую «беседку»?

Сталин (в речи). Мы организовали колхозы и дали крестьянам возможность жить и работать по-человечески. Шолохов (в правдивом очерке под слово казак): «Как казак — так лишь бригадир, лишь десятник. Они, кобели, воткнут за уши карандаши и ходят начальниками, а бабы и плуты, и погонщики, и казавары! Не желая таких порядков! Советская власть не так диктует!».

Не забудет этих своих журналистских оценок — отчет и отдал в «Целине» одному из героев: «А советская власть как диктует? Она диктует, что не должно быть никаких казачьих, а между трудящимся народом, а вы ищите законы, нормуйте в свою пользу их повороты... Ты не уходишь перед районным начальством».

Бдительные издатели сместили название — вместо жестокого: «С потом и кровью» — пафосное. Шолохов: «На название до сих пор смотрю с враждебностью. Ну что за ужасное название! Ажик самого иногда мутит. Досадно».

Как ошибся школьный учебник

Школьный учебник по литературе для 10-го класса (1987 г.) такое внушает: «Поднятая целина» сразу же стала выдающимся произведением советской литературы».

Предупреждение

1932-й... Вышел роман. Шолохов не прекращает инакомыслия.

Сталин (в письме). Тов. Сталин! Постановление ЦК «О принудительном обществ. влечении скота» находится в прямом противоречии с планом массового скота на 1932 г. «План по крупному скоту надо будет выполнять целиком за счет стальных или отелавшихся коров...» С первых же дней по всем колхозам колхозники стали оказывать сопротивление... С колхозниками... «Положение осложнилось...»

Не ответил Сталин. Голод — страшный — наступил. В Москву несколько отчаянных посланий: просит помощи, сообщает о прямой вине властей. Сталин скрывает от мира и страны факт голода. Помощь, правда, хлеб оказался. Но и решил дать острокритику...

Шолохову (в письме). Это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите не плохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваше письмо) — не безликостна, а типичная политика, надо обзореть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили китальняку (суботаж)... По сути вели «тихую войну» с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов.

Шолохов — Сталину. В статье пренебрег предупреждением не заниматься политикой. В 1932-м и в 1933-м Сталин, напомнил ему, что не согласен с обвинениями в «суботаже», а попутно прервал замалчивание голода. «Год видю борьбы с саботажом в колхозах — лишили колхозников хлеба...»

«В колхозах начался голод». Еще разоблачение: «Многие коммунисты, указывающие руководителю края на необходимость, в недостаточности линии, были исключены и из партии и арестованы».

Впервые после этого упомянуть о голоде разрешили только в 1988-м.

ДОПОЛНЕНИЕ ВТОРОЕ: КОГДА НАЧАЛИ «ВЫТЕСНЯТЬ» РОМАН?

Вытеснить из школьной программы роман советского классика «Поднятая целина». Я своим требованием защищаю своих детей. Вот и все. Такого требования Критика («Книжное обозрение», 1988, № 28).

Но знает ли Критик о том, когда начинали «вытеснять» роман?

«Возня с новой вещью...»

Осознавали, как опасна привязанность Шолохова к многолетнему «Тихому Дону». Опираясь на время, приема писателя кандидатом в члены партии, как запомнилось секретарю райкома, «обвинил Шолохова в том, что не пишет о рабочих фабриках и заводах, советовал ему ехать в промышленные районы, изучать жизнь рабочих и писать о них».

Ослушались! Написал «Целину». И что же? «Октябрь» отклонил. Передал рукопись в «Новый мир». Редакция по требовала от меня изъятия главы о раскулачивании. Все мои доводы, относительно отклонения... Уже после того как дошло до печати: «Возня с новой вещью...» Новые жалобы: «Боюсь, как бы меня дальше и с «Целиной» не подделали...» Решил дать отрывки в «Правду»: «Смужи и работай, как гад... Во втором кусте «Целины» нужно сделать ряд исправлений. Сжиги, правду...» Второй кусок не был напечатан.

Бдительные издатели сместили название — вместо жестокого: «С потом и кровью» — пафосное. Шолохов: «На название до сих пор смотрю с враждебностью. Ну что за ужасное название! Ажик самого иногда мутит. Досадно».

С другого берега

На Западе иначе оценивали «Целину» (речь — о независимых критиках).

«Поднятая целина» открыто критична к советской власти и воспевают явную несовместимость с марксистской философией. В романе ярко и громко звучит немарксистский тезис: «Человек является творением своей эпохи, и к нему следует относиться с величайшей заботой». Это из американского журнала «Тайм».

Изображение жестоких правых властей в годы коллективизации. Газета «Джорно» (Италия).

Автор «Тихого Дона» издал роман, в котором показал жестокость сталинской коллективизации. Газета «Стампа» (Италия).

Не одобряет методы правительства... Дауменсен... Партия русской жизни. Газета «Фигаро летемер» (Франция).

«Поднятая целина» — это не социальное учение, не пролетарский роман. Это — произведение большого художника, написанное с необычайной силой. Газета «Нотр тан» (Франция).

«Прошли десятилетия. Роберт Йонкест в своей антимарксистской книге «Наставление. Советская коллективизация и террор голодом» час, сбавляется на роман как источник достоверных сведений. Только в одной главе насчитал таких отсылок около 10».

«Поднятая целина» — это не социальное учение, не пролетарский роман. Это — произведение большого художника, написанное с необычайной силой. Газета «Нотр тан» (Франция).

«Прошли десятилетия. Роберт Йонкест в своей антимарксистской книге «Наставление. Советская коллективизация и террор голодом» час, сбавляется на роман как источник достоверных сведений. Только в одной главе насчитал таких отсылок около 10».

«Поднятая целина» — это не социальное учение, не пролетарский роман. Это — произведение большого художника, написанное с необычайной силой. Газета «Нотр тан» (Франция).

«Прошли десятилетия. Роберт Йонкест в своей антимарксистской книге «Наставление. Советская коллективизация и террор голодом» час, сбавляется на роман как источник достоверных сведений. Только в одной главе насчитал таких отсылок около 10».

«Поднятая целина» — это не социальное учение, не пролетарский роман. Это — произведение большого художника, написанное с необычайной силой. Газета «Нотр тан» (Франция).

«Прошли десятилетия. Роберт Йонкест в своей антимарксистской книге «Наставление. Советская коллективизация и террор голодом» час, сбавляется на роман как источник достоверных сведений. Только в одной главе насчитал таких отсылок около 10».

«Поднятая целина» — это не социальное учение, не пролетарский роман. Это — произведение большого художника, написанное с необычайной силой. Газета «Нотр тан» (Франция).

«Прошли десятилетия. Роберт Йонкест в своей антимарксистской книге «Наставление. Советская коллективизация и террор голодом» час, сбавляется на роман как источник достоверных сведений. Только в одной главе насчитал таких отсылок около 10».

Восторги ли?

Историк написал: «С первой публикации «Поднятой целины» вплоть до наших дней это произведение сопровождало только восторги...»

Что на самом деле? Голь «вытеснителей» романа взяли на себя не только политики, но и политиканствующие критики. На это поставила еще Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Горький: «Критики не удостоились...»

Был роман «Поднятая целина» воспеваем, а стал — после смерти автора, в пору перестройки — ниспровергаем.

Каковы аргументы! Наиболее четко их сформулировали прозаики в «Литературной газете», критик в «Книжном обозрении» и историк в «Новом мире». Каждого, естественно, процитирую далее.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Убежден в том, что и жизнь писателя, связанная с «Целиной», и сама «Целина» до сих пор пребывают в состоянии значительной неопределенности. Пришло время перечислить и биографию, и роман, освободившись от политиканствующего гипноза, в котором их содержали несколько десятилетий. Да и сам Шолохов счел нужным многое зашифровать.

Горазд ли роман на розовые краски

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут еще и неопытность Давыдова, и перегибы Нагульнова, и постоянные установившиеся... Что выслушивает, вспоминает, Давыдов о готовности к севу? «Годить нам некогда. Вы колхозом, может, пося Троицы начнете сеять, а нам надо в поле...» Еще упреки ему же: «Вам лишь бы план вовремя выполнить, а там хоть травушку не расти...» Еще колхоз: «У хозяев нельзя, а в

Спросим себя — много ли под пером Шолохова розово-лакированных красок? Едва ли в романе то и дело о том, как не ладится колхоз именно потому, что создан по приказу. А тут